

Николай Николаевич Непримеров

Этапы пути: фронт, КГУ, производство...

Ученый, педагог, человек с обширными знаниями во многих областях жизни... Он прошел войну, и его жизненный опыт просто огромен.

Николай Николаевич, спасибо, что Вы согласились дать интервью. Первого мая 2011 года Вам исполнится 90 лет...

- Ну, вообще, конечно, надо считать с момента зачатия. Ведь до рождения человек еще девять месяцев существовал: в пять месяцев сердце билось, в шесть - он уже ногами в живот матери толкал. Это же был он, не Пушкин же? Так что мой юбилей по-настоящему был 1 августа (улыбается).

Я прожил три жизни. Закончил университет в тридцать лет и с тридцати до шестидесяти жил обычной жизнью обычного человека. Затем, уже имея опыт работы и необходимые знания, я прожил вторую жизнь - от шестидесяти до девяноста...

- А где же третья?

- А третья жизнь... Я никогда не был в отпуске, работал по субботам и воскресеньям, как на фронте - вот так накопилась еще одна. Так что я теперь знаю то, что могли бы знать люди, прожившие три жизни. У меня было три сферы приложения - наука, образование, производство, те три кита, на которых стоит жизнь общества.

- Вы и книги пишете. Скажем, «Технари» - художественная ведь книга. То есть в Вас живет еще склонность и к писательству?

- Нет. Природой человеку определено три функции: прием, переработка и передача информации. Все остальное - это, так сказать, биологическая жизнь. А книги - это как раз передача знаний будущему поколению...

- О Вас уже написан трехтомник, мы о нем давали информацию в нашей газете. Третий том недавно вышел.

- Да, и он включает в себя мои прогнозы будущего нашего общества, университета, производства... России и мира в целом.

- Николай Николаевич, а почему Вы решили физикой заниматься? У Вас к этому с детства был интерес?

- Да нет, в детстве, читаясь книжки об эпохе великих открытий, я мечтал стать капитаном дальнего плавания. Окончил школу в 1939 году не только отличником, но и кандидатом в члены партии, единственный из 880 выпускников 1939-го года в Казани.

- А как это у Вас получилось?

- Просто директор школы и учитель истории решили дать мне рекомендации. А я как теленок... Но для тех времен это было важно, без этого не могло быть карьеры. Благодаря своему кандидатству, я и поступил в Институт инженеров водного транспорта в Ленинграде на судоводительское отделение. Отличников там среди абитуриентов был перебор, и отличным аттестатом трудно было кого-то удивить...

А 1 сентября началась Вторая мировая война. 4 сентября внеочередная сессия Верховного Совета снизила призывной возраст с 21-года до 18-ти. Это была, по сути, частичная мобилизация. Одновременно призвали 4 года рождения. Я, естественно, захотел во флот. Но мне сказали, что во флоте из-за того, что прибавили год службы, набора нет. Тогда я попросился на береговую оборону, но и там ситуация повторилась. Что делать? В пехоту, мне показалось, идти бесполезно: кроме «ать-два», я там ничему не научусь. И поскольку в школе я был руководителем кружка авиамоделирования, окончил летно-планерную школу, занимался в казанском аэроклубе, то решил, что путь мой лежит в авиацию. Так я попал в Первое чкаловское военно-авиационное училище. Потом год проработал водителем аэросаней.

- А что это такое?

- Самолет на лыжах, он движется только по земле. Там тоже толкающий винт, только он сзади. В оренбургских степях тогда это был основной способ передвижения, дорог-то не было, зимою все замело. Мои сани были лучшими, и я возил всякое начальство, приезжающее нас проверять: людей из правительства, чиновников (улыбается), всякого повидаль.

Летом 41-го всю нашу авиацию уничтожили, и последовал

приказ Сталина: все, что может летать, - на голову врага! Тогда из военных училищ собирали 624-й, 626-й полки... Мы перевооружали старые разбитые машины и вылетали на них на фронт, потому что больше было не на чем. Промышленность была эвакуирована, ничего не производила. Зима 1941 - 42-го вспоминается как самая тяжелая. Это было что-то ужасное. Второй раз я бы ее не пережил. Выдержать получилось только за счет молодости и того великого энтузиазма, который у нас всех был. Вот, скажем, почти две недели стояла температура минус 45 с ветром. И при этом я всю зиму не заходил в теплое помещение. Аэродром и самолет - все. Спал на моторах под чехлами... Все это описано в книжке «Технари». Но вернемся к институту. Я восстановился в институте в 1944-м году.

- Прямо во время войны?!

- Нуда. На заочное.

- И воевали и учились?

- Да. Воевал и учился. Был на Ленинградском фронте. Сессии письменно сдавал. Ездил и сдавал. Тогда вообще жизнь была очень насыщенная, многое делалось и успевалось. Этот принцип - непрерывная работа и самосовершенствование, повышенный армейский темп - я потом перенес в мирную жизнь. И теперь, когда я смотрю назад, на следующие поколения, я вижу, что успевал в два-три раза больше, чем делают они.

- Вы демобилизовались в Ленинград?

- Да, откуда призывался. В Ленинграде после войны было трудно. Я решил год пожить у родителей в Казани. Мы с женой приехали сюда. И чтобы год не терять и не пересдавать потом экзамены у себя в институте, мне посоветовали проучиться в каком-нибудь техническом вузе. Моя мама тогда была проректором по хозяйству в КГУ, и она захотела, чтобы я учился здесь, на физ-

мате. Зачислили меня в 661 группу математиков.

На второй или третий день я захожу в деканат, там студент-инвалид, бывший фронтовик машет костылем над головой замдекана Андриянова и кричит: «Пришибу!». Пришлось его взять за шиворот и вывести в коридор. Там я сказал ему: «Наши времена кончились. Теперь другая жизнь - забудь о таких «методах» убеждения». Позже вызывает меня Андриянов и говорит: «Я вижу, ты знаешь, как с людьми обращаться. А у меня в 63-й группе старости нет. Давай я тебя туда переведу?». Так я оказался среди физиков. Потом физика стала огромной частью моей жизни. Это то, о чем я, собственно, и мечтал - наука о мироздании, которая изучает все: от микромира до макромира. Так я здесь и остался. На втором курсе меня выбрали в партбюро. На третьем я был секретарем партбюро физмата, в аспирантуре - замсекретаря парткома по науке. То есть этими ступенями тоже шел, жил вместе со страной, моя личная история шла в ногу с историей страны.

В 1957-м году из Министерства высшего образования в Казанский университет пришло письмо, где говорилось, что нужно создавать проблемные лаборатории для развития фундаментальной науки. Ведущим ученым значительно понизили учебную нагрузку (которая, кстати, была тогда по 600-700 часов) - они стали меньше заниматься студентами и больше времени исследовательской деятельностью. Я написал заявку на проблемную лабораторию по магнитной радиоспектроскопии. Нам ее утвердили. Я освободил, отремонтировал все помещения, закупил оборудование, набрал кадры. А научная проблема, по которой я написал кандидатскую (точнее, их было три: по магнитному резонансу, по дисперсии магнитной и по диэлектрической проницаемости - три разных установки, три разных вещи, но потом я их соединил, создал теорию этого явления - резонансного вращения), после меня никем уже не исследовалась, потому что, в сущности, там было уже все объяснено и делать больше нечего. Тогда я решил заниматься магнитной радиоспектроскопией. Позже, в 1960 году, стал заведующим кафедрой радио-

электроники на физфаке. Я всегда считал, что фундаментальные исследования должны быть связаны с практикой, с производством. И уверен, что кризис современной фундаментальной науки обусловлен именно отрывом ее от реальности. Абстрактные математические функции заменили сейчас ученым действительно существующие в природе процессы и явления.

Для меня связью с практикой была нефтяная промышленность. В 1955 году мы заключили первый в истории КГУ хозяйственный договор с производственным объединением «Татнефть», который действует до сих пор - уже более сорока лет. Мы создали принципиально новую технологию оптимальной выработки нефтяного пласта, основанную на глубоком проникновении в сущность процесса вытеснения одной жидкости другой из деформируемой пористой среды. В 1978 году в университете нами был организован специальный факультет по переподготовке кадров для нефтяной промышленности. В 1992 году, после ухода с должности завкафедрой, я стал главным научным сотрудником лаборатории физической динамики гетерогенных сред, созданной специально для меня!

Вообще, у меня всю жизнь было три главных направления деятельности: наука, производство (нефтедобыча) и преподавание.

- Я знаю, что Вы создали ни много ни мало - теорию Мироздания...

- Да, я исследовал эволюцию Вселенной от ее рождения до ее логического конца, то есть создал теорию о движении вещества в пространстве и эволюции его во времени. Это и есть программа социального наследования. Об этом написано много в моих статьях и книгах «Мирозда-

ние» (1992г.), «Естественно-научное» (2009 г.) и «Вещество» (2009г.).

- А что такое социальное наследование?

- Это то, что нужно передавать каждому новому поколению, вступающему в жизнь. Понимаете, мозг человека, в котором сосредоточено его собственное «Я», находится в теле теплокровного животного, живущего по законам более примитивной системы - биологической.

Известно, что у человека четыре основных врожденных инстинкта: поддержание жизни (поисков пищи), инстинкт борьбы (за лучшее место под солнцем), продолжение жизни (поиск особи другого пола) и инстинкт сохранения жизни. Механизм их работы известен, он один и тот же для всех четырех. Я разработал систему Мироздания, состоящего из 11 уровней - 11 систем. Человек принадлежит трем из них. Он рождается с чистой памятью - там нет никакой информации. И все, что делает человека человеком, дается ему обществом путем передачи программы социального наследования. Какая программа - такой и человек. То, чему его учат, то, что ему передают семья, близкое окружение, общество, СМИ, определяет его полностью. С древних времен у нас есть четыре канала передачи информации: рисунок (затем живопись, фото, видео), танец (хореография), звук (музыка) и слово. Все это развивалось с развитием человека и отдельных народов. Вот сейчас мы дожили до явления, называемого глобализмом.

- Это положительное явление?

- Безусловно. Народы Земли объединяются в одну общность - так происходит дальнейшее развитие человечества. От простого к сложному. Появился Евросоюз. Заметьте, нации объединяются добровольно. Дальше нас

ждет появление общепланетарного общества - девятой системы нового уровня развития с каким-то новым, принципиально важным качеством, которое пока нам не присуще. Я знаю, что это будет: трехуровневый суперкомпьютер. У каждого человека будет свой сайт в Интернете. Этот компьютер будет считывать информацию со всех сайтов. Кстати, людей будет значительно меньше, не шесть миллиардов, а миллиард. Информация анализируется, и находится общий делитель - то, что отвечает законам развития. Потом компьютер будет выдавать каждому программу действий на день.

- То есть... нами будет управлять компьютер?

- Ну да. Он будет очень умный. Так ведь мы сейчас животные на 30 - 40 процентов. А сможем быть людьми. И каждый сможет прожить свою жизнь с пользой для себя и для общества. Меня спрашивают, как Вы дожили до 90 лет, оставаясь таким активным и деятельным. А я за всю жизнь не выпил ни одной рюмки алкоголя, не выкурил ни одной сигареты. Просто я умею не позволять телу себя разрушать, владею своим сознанием.

- Что Вы можете посоветовать сейчас молодым, чтобы они могли быть людьми?

- Чтобы помнили, что не работающий орган отмирает, а перегруженный - портится. Нужно использовать мозг, нужно грамотно использовать все свои ресурсы. Помнить о законах развития: от низшего к высшему, от простого - к сложному, и всячески способствовать этому движению, т.е. развитию и совершенствованию. Понимать, что прогрессивно, а что регрессивно, и участвовать только в прогрессивных действиях.

- Спасибо за интервью, Николай Николаевич!

Беседовала
Алена Каримова

«Кризис фундаментальной науки»

К сожалению, в этот материал из-за отсутствия места не вошли вопросы, затрагивающие мнение ученого о положении дел в современной физике. Н.Непримеров считает, что фундаментальная наука сейчас переживает серьезный кризис: «Произошла дематериализация науки, а затем и образования. Общество потеряло интерес к ней из-за отсутствия ее вклада в практику. Настал не конец фундаментальной науки, а кризис, требующий для выхода из него принципиально нового подхода к описанию реальных явлений».

Свои взгляды на эту проблему известный ученый излагает в статье «Кризис фундаментальной науки», которая опубликована в нашей онлайн-газете krfu.info в разделе «Наука».